

Джейсон Марн

ПОСЛЕДНИЙ
ХЭЛЛОУИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джейсон Марн

Последний Хэллоуин

<https://litres.ru/74685492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Айова, осень 1986 года. У двадцатилетнего Томаса скверный характер, пустые карманы и одна цель — забрать младшего брата и навсегда сбежать от пьяного отца-тирана. Объявление в газете кажется спасением: уединенная кукурузная ферма, четыре дня непыльной работы сторожем, включая ночь Хэллоуина, и щедрая оплата в 120 долларов. Правила хозяев просты: запирайте дом и не лезть в их спальню.

Но Томас быстро понимает, что на ферме он не один. Изоляция становится абсолютной, а вокруг множатся зловещие странности: за секунду сдуваются колеса, в морозилке само по себе прибавляется мясо, а на чердаке кто-то обгладывает кости кабана. Хуже всего — старое пугало с гнилой тыквой вместо головы посреди поля.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ФЕРМУ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джейсон Марн

Последний Хэллоуин

Пролог

Осень 1986 года. Штат Айова, город Гринхейвен.

Стеклянная бутылка из-под дешёвого бурбона влетела в стену прямо над выключателем. Обои в этом месте уже давно пошли бурыми пятнами, но отца это не волновало.

— Ублюдки! Косоглазые твари! — его рёв заставил вздрогнуть старый холодильник «Фриджидэр». — Слить такой матч! Пятьдесят баксов на ветер! Пятьдесят, сука, баксов!

Томас даже не поднял глаз от развернутой газеты «Гринхейвен Геральд». Ему было двадцать, работы не было уже полгода, а характер, который он унаследовал от этого самого кричащего мешка с перегаром, требовал прямо сейчас швырнуть в ответ чугунную сковороду.

Но Томас сжал зубы так, что заныли скулы. Упрямство. Он терпел. Пока терпел.

В соседней комнате, за тонкой гипсокартонной перегородкой, слышался судорожный вздох. Там, сжавшись над тетрадкой, делал уроки его шестнадцатилетний брат. Мальчиш-

ка вздрагивал от каждого шороха, превратившись из-за вечных пьяных отцовских истерик в комок натянутых нервов.

Хлопнула входная дверь. Из магазина вернулась мать — уставшая, с тёмными кругами под глазами. Стоило ей увидеть осколки на полу и качающегося посреди кухни мужа, как её лицо перекосило от привычного отвращения.

— Опять? — процедила она вместо приветствия, швыряя пакет с полуфабрикатами на стол. — Ты снова просадил деньги, животное? На что мы купим бензин? Из-за тебя и твоих выроdkов у меня вся жизнь пошла к чертям! Хоть бы один из вас, бездельников, принёс домой цент!

Это стало спусковым крючком.

Взрывной характер Томаса сработал мгновенно. Нетерпеливый к чужим обвинениям, он с грохотом отодвинул стул и поднялся во весь рост.

— Заткнись, мам! Просто завали ебальник! — рявкнул Томас, шагая в центр кухни. — Он заливает zenки, потому что ты пилишь его с утра до ночи! А ты орёшь на нас, будто мы просили тебя рожать!

— Что ты сказал, щенок?! — отец двинулся на него, сжимая огромные грязные кулаки.

Кухня превратилась в филиал ада.

Все трое орали одновременно, захлёбываясь матом, взаимными обвинениями и многолетней ненавистью.

В этот момент дверь в детскую захлопнулась с оглушительным щелчком.

Там, запершись от этого кошмара, младший брат закрыл уши руками, глотая слёзы, и сквозь пелену перед глазами продолжил судорожно выводить строчки в тетради.

Ему было чертовски страшно. Томас посмотрел на дверь брата.

Внутри него, под коркой грубости и скверного нрава, обожгло жалостью и злостью.

Хватит. С него довольно.

Он резко развернулся, сорвал с вешалки поношенную джинсовку и выхватил со стола ключи от машины. Пальцы намертво вцепились в измятый лист газеты.

— Пошли вы все к чёрту, — бросил он через плечо и вышел, хлопнув дверью так, что зазвенели уцелевшие стёкла.

На улице было сыро и пахло прелой кукурузой. Томас запрыгнул в свой старый ржавый «Шевроле» — настоящую развалюху, которая заводилась через раз. Мотор чихнул, выбросил облако сизого дыма и тяжело затарахтел.

Томас врубил передачу и ударил по газу, уезжая как можно дальше от этого проклятого дома.

Выехав на пустынное шоссе, он включил тусклую подсветку салона и снова бросил взгляд на объявление в газете, которое приметил ещё днём:

«ТРЕБУЕТСЯ РАБОТНИК. Охрана и присмотр за фермой на 4 дня (включая Хэллоуин и 1 ноября). Оплата: 120 долларов США. Семья Эванс».

Томас присвистнул. Сто двадцать баксов за четыре дня?

Да это чертовски огромные деньги для такой пустяковой работы.

За эти деньги можно было купить три таких «Шевроле» или снять комнату в другом штате. Тут явно был какой-то подвох, но упрямство Томаса взяло верх.

Ему было плевать. Главное — подальше отсюда.

Свет фар выхватывал из темноты бесконечные, подступающие к самой дороге стены созревшей кукурузы. Развалюха Томаса неслась по ночной трассе в сторону фермы Эвансов, оставляя Гринхейвен позади.

Старый «Шевроле» тяжело чихнул и заглох, уткнувшись бампером в покосившийся деревянный забор. Томас выключил зажигание.

В салоне воцарилась давящая, звенящая тишина, нарушаемая лишь щелчками остывающего мотора.

Томас включил фонарик, осветил на измятую газету в руке, а затем перевёл луч на деревянный почтовый ящик у дороги.

Краска на нём давно облупилась, но трафаретные буквы читались чётко:

«Семья Эванс».

— Ну, приехали, — буркнул он себе под нос.

Вылезти из машины оказалось непросто — дверь заклинило, пришлось толкнуть плечом.

Томас подошёл к массивным воротам и потянул их на себя. Петли отозвались глухим, надрывным скрипом, который,

казалось, разнёсся по всей округе на мили вперёд.

Томас поёжился, засунул руки в карманы джинсовки и зашагал по гравийной дорожке к двухэтажному фермерскому дому.

Свет в окнах не горел. Дом выглядел вымершим.

Томас ступил на первую деревянную ступеньку крыльца — гнилая доска под его весом пронзительно и жалобно скрипнула. Звук резанул по ушам, внутри шевельнулось неприятное, липкое чувство тревоги.

Но упрямство, бурлившее в венах, быстро взяло верх. Томас зло сплюнул под ноги и с силой вдавил кнопку дверного звонка.

Где-то в глубине дома раздался глухой, дребезжащий трезвон.

Томас остался стоять на крыльце, ожидая, пока хозяева дойдут до двери.

Чтобы убить время, он обернулся и окинул взглядом бескрайнее кукурузное поле, окружавшее ферму со всех сторон. В сгущающихся сумерках стебли шелестели от лёгкого ветра, напоминая шёпот.

И тут Томас заметил *его*.

Примерно в двадцати ярдах от дома, посреди рядов кукурузы, высилось чучело.

— Фу, бля... Чё за уроды его делали? — процедил Томас, и его передёрнуло от отвращения.

Выглядело пугало по-настоящему мерзко.

Вместо головы у него была огромная, криво вырезанная тыква с чёрными провалами глаз и рта. На перекладину был натянут широкий коричневый пиджак, из-под которого свисал нелепый зелёный галстук, а внизу болтались грязные коричневые брюки.

Но хуже всего была поза. Чучело висело на толстом деревянном кресте, раскинув руки в стороны, точь-в-точь как распятый человек.

От этого зрелища веяло чем-то загробным и больным. Дверь дома резко, без предупреждения, распахнулась.

Томас вздрогнул и обернулся.

На пороге стоял Карл Эванс — хозяин фермы. Это был крепкий седовласый мужчина лет пятидесяти. Одет он был на удивление опрятно для фермера: отглаженная фланелевая рубашка, чистые джинсы.

В кулаке он сжимал увесистую связку ключей, которые тихо звякали при каждом его движении.

Рядом с ним стояла Мэри — его жена, строгая женщина с гладко зачёсанными волосами и пронзительным взглядом.

— Добрый вечер. Вы по объявлению? — голос Карла был низким и сухим, но вполне приветливым.

Он протянул Томасу широкую, мозолистую ладонь.

— Да, здравствуйте! Я Томас, — парень с готовностью пожал руку хозяина, стараясь выглядеть максимально дружелюбно и радостно, хоть скверный характер и пытался вылезти наружу. — Насчёт работы.

Эвансы пригласили его в тускло освещённую прихожую.

Разговор пошёл деловой и короткий. Карл сканировал Томаса тяжёлым взглядом, расспрашивая о его амбициях, целях и о том, почему парень его возраста ищет такую глухую подработку.

Томас не стал вилять и придумывать сказки. Упрямство и гордость не позволяли ему врать.

— Мне просто нужны эти деньги, мистер Эванс, — честно ответил он, глядя Карлу прямо в глаза. — Хочу забрать младшего брата и уехать в Орегон. В какой-нибудь тихий городок, подальше отсюда. Дома сейчас жить просто невозможно.

О том, почему там невозможно жить — о пьяном отце, разбитых бутылках и вечных криках — Томас, разумеется, промолчал.

Честность парня Эвансам, похоже, понравилась. Карл уважительно кивнул, а Мэри слегка смягчилась в лице. Они приняли его, но тут же перешли к правилам.

Карл заговорил чётко, чеканя каждое слово:

— Слушай меня внимательно, Томас. Правила простые, но нарушать их нельзя. Во-первых, дом всегда должен быть закрыт. Во-вторых, вход к нам в спальню на втором этаже закрыт для тебя всегда. В-третьих, еда в холодильнике — можешь брать всё, что увидишь, голодом морить не будем. В-четвёртых, никого постороннего в дом не пускать. Ни при каких обстоятельствах. В-пятых, инструменты найдёшь в под-

вале. В-шестых, ничего не ломать, за порчу имущества сниму двадцать процентов из твоей зарплаты. И последнее... Если ночью залает собака, ружьё стоит в чулане. Понял?

— Всё понял, принял. Обещаю быть хорошим работником, — кивнул Томас.

Правила были строгими, но справедливыми для людей, которые оставляют чужому человеку свой дом.

Однако один вопрос не давал Томасу покоя, и он, не сдержавшись, озвучил его:

— Мистер Эванс... А где остальные работники? Ферма-то огромная.

Карл обменялся быстрым, едва заметным взглядом с Мэри.

— Ты единственный, кто откликнулся на объявление, сын-ок, — тихо ответил хозяин.

Томас принял это к сведению, хотя внутри шевельнулось лёгкое подозрение.

Но сто двадцать долларов перевешивали любые сомнения.

Затем Эвансы быстро проинструктировали его по хозяйству: объяснили, во сколько нужно кормить свиней и пса, как следить за созревающей кукурузой и ухаживать за ней в эти дни.

— Ну, удачи тебе, Томас. Не подведи нас, — Карл вложил в его ладонь холодную связку ключей.

Они попрощались. Фермеры сели в свой старый пикап и

уехали, оставив парня одного.

Томас остался стоять на крыльце, сжимая в руке ключи.

Он достал из кармана массивные электронные часы «Касио» и нажал кнопку подсветки.

18:03.

ГЛАВА 1: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ФЕРМУ

Томас выудил из кармана джинсовки примятую пачку «Мальборо», вытряхнул одну сигарету и чиркнул дешёвой пластиковой зажигалкой.

Усевшись прямо на верхнюю ступеньку крыльца, он вальяжно вытянул ноги и глубоко затанулся.

В голове пронеслась мысль: Сто двадцать баксов за четыре дня в этой глуши? Да это же чистая халява.

На губах сама собой поползла довольная улыбка. Хозяева уехали, дом в его распоряжении, делай что хочешь.

Но улыбка быстро погасла.

Стоило Томасу выпустить изо рта сизое облако дыма, как перед глазами встало лицо младшего брата.

Заплаканное, испуганное лицо шестнадцатилетнего пацана, который прямо сейчас остался один на один с монстрами в их собственном доме.

С пьяным, безумным отцом и вечно орущей матерью.

Томас не мог расслабиться.

Кусок в горло не лез, а мысли путались и возвращались назад, в Гринхейвен.

Он скрипнул зубами с такой силой, что хрустнул сустав,

зло сплюнул в разросшиеся у крыльца кусты и резко поднялся на ноги.

Нужно было срочно связаться с внешним миром.

Он шагнул в дом, с грохотом хлопнув за собой тяжёлой дубовой дверью, и принялся метаться по первому этажу в поисках чертова аппарата.

Томас заглянул в гостиную — тусклые обои, старый ковёр, кресло-качалка. Пусто.

Проверил прихожую — только вешалка и зеркало. Пусто. — Да где, блять, этот телефон?! — в сердцах рявкнул он на весь пустой дом.

И тут же осёкся. На стене в дальнем углу кухни, прямо возле обеденного стола, висел тяжёлый дисковый телефон из бежевого пластика. Длинный витой шнур кольцами спускался к полу. Томас подлетел к аппарату, сдёрнул трубку и судорожно набрал наизусть знакомый номер. Он звонил Джиму.

Они вместе учились в колледже последние три года. Томас доверял ему — насколько вообще его скверный и упрямый характер позволял кому-то доверять.

Джим был парнем надёжным, хотя Томас никогда не раскрывал перед ним душу до конца. Но сейчас выбора просто не было. В трубке раздались долгие, ленивые гудки. Наконец на том конце провода щёлкнуло:

— Алло?

— Джим, это Томас, — быстро, перебивая друга, заговорил парень. — Слушай меня внимательно. Мне нужно, что-

бы ты съездил к моему дому. Проведай мелкого. И если там совсем край, если отец опять слетел с катушек... заведи брата к себе. Пожалуйста.

— Чего? Томас, ты сдурил? — недовольно заворчал Джим. — Пятница вечер, я собирался...

— Джимми, блять, я серьёзно! — перешёл на жёсткий шёпот Томас, сжимая пластиковую трубку до белизны в костяшках. — Я на работе. Уехал к чёрту на рога, на ферму Эвансов. Вернусь только после Хэллоуина. Мелкий там один. Сделай это для меня, ладно?

На том конце повисла пауза. Джим знал, какая атмосфера царит в семье Томаса, хоть тот никогда и не вдавался в детали.

— Ладно, — выдохнул Джим. — Хорошо, я съезжу. Заберу мелкого, если что-то пойдёт не так.

— Спасибо, бро, — Томас наконец-то смог сделать нормальный вдох. — Если что — звони мне на этот номер. Я у телефона.

Он повесил трубку на рычаг. На кухне стояла тишина. Тёплый багровый закат октября медленно наполнял комнату через широкое окно, окрашивая деревянный гарнитур в цвет запёкшейся крови.

Томас опустил взгляд на пол и замер. Прямо у его ног лежала длинная, уродливая тень. Две перекрещенные полосы. Крест. Томас медленно повернул голову к окну.

Там, на фоне догорающего неба, посреди колышущейся

кукурузы, по-прежнему висело это чертово Пугало.

Из-за угла освещения казалось, что его тыквенная голова наклонилась чуть ближе к дому, а прорези глаз смотрят прямо на Томаса через стекло. Это зрелище не столько пугало парня, сколько дико раздражало. Его упрямая натура бунтовала против этого безмолвного давления, но по коже против воли побежали колкие ледяные мурашки.

— Сраное пугало... — пробормотал Томас, резко задёргивая плотные шторы.

Хватит с него чертовщины. Брат под присмотром Джима, сигарету он выкурил, но желудок уже сводило от голода. Еда сейчас была важнее глупых страхов.

Томас подошёл к массивному холодильнику «General Electric» и с надеждой потянул за ручку.

Внутри зажглась тусклая лампочка. Парень окинул взглядом полки и разочарованно вздохнул.

Никакой пиццы, никакой лазаньи и уж тем более ни одной банки холодного пива, на которую он так надеялся.

Только пучки каких-то овощей, фрукты и большая глиняная миска с остывшим тушёным рагу. Выбора не было.

Томас достал миску, взял ложку и прямо так, холодным, принялся жадно поглощать хозяйскую стряпню. На удивление, рагу оказалось сытным и плотным. Утолив голод, он вытер рот рукавом джинсовки, бросил грязную посуду в раковину и направился к лестнице. Пора было осмотреть второй этаж и найти место для ночлега.

Лестница на второй этаж отзывалась на каждый шаг натужным, старческим скрипом. Томас медленно поднимался, проводя рукой по деревянным перилам.

На стене вдоль ступеней в строгом порядке висели фотографии в аккуратных деревянных рамках. С глянцевых снимков на него смотрели Карл и Мэри.

Вот они молодые, стоят в обнимку на фоне новенького трактора. Вот улыбаются на каком-то городском празднике. Счастливая, правильная пара. Томас замер на секунду, разглядывая очередное фото. В груди болезненно укололо. Чёртова зависть.

Ну вот в чём проблема? Почему у одних всё нормально, а у него дома — вечный ад? В чём, блять, сложность просто быть адекватной, любящей семьёй, где отец не заливает zenки, а мать не проклинает день, когда родила детей?

Томас зло тряхнул головой, отгоняя мысли, и двинулся дальше. На втором этаже его встретил густой, тяжёлый запах старой бумаги и переплётов. Пахло занудством, библиотекой и столетней пылью, но этот аромат почему-то пьянил, создавая странное ощущение покоя. Прямо в коридоре, на небольшом резном комоде, Томас заметил массивную золотую статуэтку — то ли скачущая лошадь, то ли какой-то кубок. В полумраке она заманчиво блеснула. Пальцы парня сами собой дёрнулись.

Мать твою, она же баксов сто стоит, не меньше... Точно сто.

Карманные воришки в Гринхейвене за такую штуку душу бы продали. Томас протянул руку, но в последний момент отдёргнул её и сжал пальцы в кулак.

Нет.

Он пообещал себе быть порядочным. Не для Эвансов — для себя и для мелкого.

Всё, блять. Не смотрю на неё.

Он отвернулся. Перед ним было несколько дверей. Томас почесал затылок, соображая, какая из них его. Решив испытать удачу, он подошёл к ближайшей массивной двери и дёрнул за круглую латунную ручку.

Заперто намертво. Даже не шелохнулась.

— Ну да, второе правило, — пробормотал Томас.

Значит, это спальня хозяев, куда ему ход заказан. Он шагнул к следующей двери.

Эта поддалась легко, с тихим шелестом. Внутри оказалась тесная тёмная каморка-чулан. Томас нащупал выключатель, и под потолком загорелась тусклая голая лампочка.

У стены стоял длинный оружейный шкаф, дверца которого была слегка приоткрыта.

Томас заглянул внутрь и прищурился. Там, тускло отсвечивая воронёной сталью, стояло двухствольное ружьё. Патронташ висел рядом на крючке.

Седьмое правило Карла.

Парень хмыкнул, выключил свет и плотно прикрыл дверь каморки. Оставалось идти дальше по коридору, который

уходил в густую, непроглядную тьму. Лампочки там не было, и Томасу пришлось ориентироваться на ощупь.

В самом конце коридора обнаружилась последняя дверь. Он толкнул её и оказался в крошечной комнатке. Здесь было скромно, но довольно уютно: старая железная кровать, аккуратно застеленная лоскутным одеялом, тумбочка и маленькое оконце, выходящее на задний двор.

Томас подошёл к кровати и нажал кнопку на своих «Касио».

19:12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.